

СОВЕТСКАЯ ИБЛИОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

2

114

1 9 6 9

М. Л. МИХАЙЛОВ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ 50—60-х ГОДОВ XIX в.

В 1849 г. издатель журнала «Москвитянин» М. П. Погодин получил из Нижнего Новгорода письмо следующего содержания: «В № 13-м «Москвитянина» прочел я собранные г. г. Быстровым и Полторацким материалы для истории нашей словесности; так как русская библиография принадлежит к любимым моим занятиям, то я желал бы знать, могут ли найти место в вашем журнале мои труды по этой части. Я мог бы доставить вам на первый раз чисто библиографическую статью о Пушкине, в которой приведены мною: 1) варианты его стихотворений, 2) источники, откуда заимствованы некоторые из них, 3) указание, где помещены они были в первый раз — и наконец, 4) пьесы, не вошедшие в полное издание Сочинений Пушкина в одиннадцати томах»¹. Автором письма был двадцатилетний Михаил Ларионович Михайлов, впоследствии известный поэт, переводчик и публицист, революционный демократ, погибший в сибирской ссылке.

Это письмо дает историку библиографии ценный материал для размышлений. Первое, что обращает на себя внимание, — предложенная М. Л. Михайловым программа статьи, которую он считает «чисто библиографической». С сегодняшней точки зрения такая статья представляется скорее историко-литературной или текстологической. Однако по понятиям 40—50-х годов XIX в. все это входило в библиографию. Из нее тогда формально еще не выделились ни история книгопечатания, ни библиотековедение, ни текстология, ни история литературы и журналистики. Библиограф тех лет был книговедом в самом широком смысле этого слова. Все видные библиографы 50-х годов наряду с составлением библиографических указателей занимались публикацией забытых или неизвестных историко-литературных памятников (Г. Н. Геннади, П. А. Ефремов, А. Н. Афанасьев, М. П. Полуденский и др.). Больше того: некоторые деятели того времени, известные как библиографы и вошедшие в историю библиографии, либо вообще не составляли указателей (М. Н. Лонгинов, С. А. Соболевский, Н. С. Тихонравов), либо не довели их издание до конца (С. Д. Полторацкий). Основным занятием книговедов, которым и определялась их принадлежность к корпорации библиографов, была тогда работа по разысканию и публикации отдельных фактов истории русской литературы и книгоиздательского дела. Это вполне понятно и объяснимо. В 50-е годы библиография и история литературы, находившиеся в нерасторжимом альянсе, переживали эпоху первоначального накопления фак-

¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. Слб., 1896, с. 346.

тов. Добытые и опубликованные сведения ложились затем в основу крупных ретроспективных библиографических работ, например таких, как «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях» Г. Н. Геннади. С другой стороны, сами библиографические указатели рассматривались как материалы и источники для истории литературы. Недаром в росписях и реестрах А. Ф. Смирдина и М. Д. Ольхина библиографические труды помещены в подотделе «История литературы» отдела «История» и в отделе «Словесные искусства»; в росписи И. И. Глазунова — в подотделе «История русской литературы и материалы» отдела «История и теория словесности». У В. И. Межова в «Истории русской и всеобщей словесности» вся библиография отражена в отделе «Источники для истории русской словесности», причем в этом отделе представлена не только общая и литературоведческая библиография, но и отраслевая. Библиографические указатели по всем отраслям знания считались тогда вспомогательным материалом для построения истории русской литературы.

К занятиям в области библиографии в то время относились: описание книг и рукописей; составление биографий писателей; текстологическое изучение и редактирование их сочинений; издание малоизвестных литературных памятников; изучение истории и современного состояния библиотек, истории книги и печатного дела. Особняком стояла журнальная библиография, методика и задачи которой были ближе к критике и публицистике, чем к библиографии в собственном смысле слова. Поэтому некоторые деятели книги вообще не принимали ее в расчет при определении понятия и функций библиографии.

Таким образом, «заявка» М. Л. Михайлова была вполне в духе времени. Занимаясь разысканием и публикацией неизвестных историко-литературных материалов, он имел полное право считать себя библиографом. Впоследствии круг его библиографических занятий расширится...

Второе обстоятельство, обращающее на себя внимание в письме М. Л. Михайлова, — тематика предлагаемой им статьи: Пушкин. Напомним, что это происходило в 1849 г., в самом начале «мрачного семилетия». У всех в памяти еще были живы страстные выступления В. Г. Белинского, объяснившего русской читающей публике огромное значение А. С. Пушкина, причислившего его к вечно живым явлениям русской литературы и общественной жизни.

Обращение М. Л. Михайлова к пушкинской тематике было, возможно, следствием влияния В. Г. Белинского, которого молодой Михайлов любил и почитал. В 1848 г., откликаясь на кончину В. Г. Белинского, он назвал его в высшей степени замечательным человеком². Стремление М. Л. Михайлова опубликовать известные ему варианты стихотворений А. С. Пушкина и произведения, не вошедшие в первое посмертное издание сочинений поэта, имело большой общественный смысл. Известно, что это одиннадцатитомное издание было весьма несовершенным, отличалось множеством пропусков и ошибок, на что указывал еще В. Г. Белинский, хорошо понимавший важность полного и точного воспроизведения пушкинских текстов. Борьба за неискаженного Пушкина, развернувшаяся во всей остроте много позже, после падения николаевского режима, началась подспудно уже в конце 40-х—начале 50-х годов. В этой борьбе принял посильное участие и юноша Михайлов.

Третье, что бросается в глаза при чтении письма М. Л. Михайлова, — его заявление: «Русская библиография принадлежит к любимым моим занятиям». Увлечение молодежи библиографией, начавшееся еще в конце

² [Письмо М. Л. Михайлова к В. Р. Зотову]. — «Лит. наследство», 1950, т. 56, с. 200.

40-х годов, — характерная черта общественной и научной жизни 50-х годов XIX в. Оно уже давно обратило на себя внимание историков общественной мысли, литературы и библиографии. Однако оценка, которую «библиографизм» 50-х годов получил в историко-библиографических работах, часто страдает односторонностью. В известном труде Н. В. Здобнова «История русской библиографии...» это явление исследуется наиболее серьезно и объективно³. Говоря об увлечении библиографическими разысканиями, Н. В. Здобнов отмечает, что среда «библиографической молодежи» была неоднородной: «В ней были представители разных классов, разных идеологий и интересов». Подвергая критике тех, кто не ставил перед библиографией широких задач общественного значения и ограничивался разысканием мелких, не имеющих научного значения фактов, увлечением книжными редкостями, не обладающими культурной ценностью, Н. В. Здобнов пишет и о другом. Интерес к книжной старине, охватившей в 50-е годы широкие круги творческой интеллигенции, Н. В. Здобнов объясняет двумя причинами: первой — и менее существенной — он считает цензурный гнет, побуждавший к бегству в старину от насущных проблем современности; второй же — и основной — причиной он считает возросший с усилением чувства национального самосознания интерес русского общества к истории своей родины. «Увлечение стариной, — пишет он, — было тесно связано с отечествоведением...». Единственный из историков библиографии, Н. В. Здобнов совершенно справедливо отмечает, что вопросы старины и библиографические разыскания в старинной русской литературе были не столь политически нейтральными, как это может показаться. Это замечательная мысль, и, к сожалению, она была утрачена, не развита в работах позднейших исследователей русской библиографии.

Избрав библиографию в качестве любимого своего занятия, М. Л. Михайлов, разумеется, связывал ее со служением науке и общественности. Весьма начитанный в русской и европейской библиографической литературе, он не мог не усвоить то высокое представление о библиографе, которое провозглашалось теоретиками этой науки. «Библиография является самой обширной и всеобщей отраслью человеческих знаний, а потому все должно входить в компетенцию библиографа: языкознание, логика, критика, философия, красноречие, математика, география, хронология, история и дипломатика ему не чужды; история книгопечатания и знаменитых типографов ему хорошо знакома, так же, как вся техника типографского искусства»⁴, — писал Э. Г. Пеньо в своем знаменитом «Толковом словаре по книговедению», широко известном в России. Столь же высокую оценку этой области знания давали другие французские библиографы и библиотекари: Ш. Ф. Ашар, А. Г. Камю, А. А. Барбье. Слова последнего М. Л. Михайлов сочувственно цитировал в своей статье «Старые книги»: «Названия библиографа (говорит Барбье) достоин только тот, кто, предпочитая хорошие произведения книгам замечательным по одной их редкости или странности, почерпнул истинные познания из лучших писателей древних и новых, и способен сообщать лицам, обращающимся к нему за советом, необходимейшие сведения, которые могли бы служить им руководством в избранной отрасли познаний. Разнородные изыскания, которыми постоянно занимается библиограф, дают ему, кроме того, возможность без труда указывать каждому сочинению приличное место, или отыскивать это сочинение в собра-

³ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 296—304.

⁴ Peignot G. Dictionnaire raisonné de bibliologie... Vol. 1. Paris, 1802, p. 50.

нии книг, как бы то ни было собрание многочисленно, если только книги расположены в систематическом порядке. Эта способность редко оценивается по достоинству, хотя она бывает плодом только огромной начитанности и глубоких размышлений»⁵.

Французским авторам вторили русские — В. Г. Анастасевич, В. С. Сопиков, П. И. Кеппен. Все это внушало молодому Михайлову безмерное уважение к библиографии.

«Век наш — по преимуществу исторический век», — писал в 1842 г. В. Г. Белинский. «Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии»⁶. Увлечение историей — одна из характерных черт общественных настроений России 40-х годов, еще более резко выразившаяся в последующее десятилетие. Н. Г. Чернышевский говорил, что не любить историю может только человек, совершенно не развитый умственно, что она — самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каждого.

Библиография считалась тогда наукой исторической, рассматривалась как часть истории культуры. Естественно, что столь обширное поприще не могло не привлекать молодого человека, воспитанного в любви и уважении к книге и к просвещению вообще.

М. Л. Михайлов переехал на постоянное жительство в Петербург в 1852 г. К этому времени его библиографические интересы уже вполне определились. Их можно охарактеризовать в двух словах: XVIII век. А. Н. Пыпин, близко знавший М. Л. Михайлова, рассказал в своих воспоминаниях о его увлечении старой русской книгой, и это свидетельство компетентного очевидца заслуживает особого внимания. А. Н. Пыпин не просто констатирует факты, он пытается дать им серьезное объяснение. В начале XX в., когда публиковались мемуары А. Н. Пыпина, многим могло показаться непонятным увлечение поэта-революционера «безобидной» книгой XVIII в. «Не могу теперь припомнить, что его (М. Л. Михайлова. — Л. Р.) навело на эти интересы, — пишет А. Н. Пыпин, — но замечу, что именно в это время разыскания в старой русской литературе занимали целую группу молодых людей (отчасти будущих ученых) в Петербурге и Москве. Несколько позднее, к концу пятидесятых годов, над этой, так называемой, библиографией немало подшучивали, — например, Добролюбов, который одно стихотворение в «Свистке» снабдил целой массой подобных библиографических примечаний, остроумно-шутовских; а в последнее время г. Венгеров, сам весьма прикосновенный к этому делу, также отзывался о «библиографах» пятидесятых годов несколько свысока. В действительности дело обстояло не так просто и заключалось не в одной случайной охоте к литературному антикварству, к отысканию книжных курьезов, раскрытию старинных псевдонимов и т. п. Почти сплошь эти новые антиквары были тогда молодые люди с большой любознательностью к литературной истории, и их работы в этом новом направлении были вовсе не случайны и не произвольны. Надо вспомнить, во-первых, что это время, конец сороковых и первые пятидесятые годы, было одним из самых тяжелых периодов, какие переживала русская литература... цензурный гнет... доходил иногда до последних пределов; невольно приходилось направлять работу на детальные исследования, которые не рисковали бы цензурным истреблением. Вместе с тем, однако, эти детальные разыскания открывали немало интересного и исторически важного...».

⁵ «Библиотека для чтения», 1854, № 2, отд. Лит. летопись, с. 43.

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1954, с. 90.

Далее А. Н. Пыпин пишет, что дело Белинского — «... возбуждение общества к самосознанию путем принципиального исследования современной литературы, должно было на время остановиться; но его определение старой литературы должно было быть дополнено изучением другой стороны литературного развития, которая была оставлена им без внимания, как не входившая в его прямую задачу. И это дополнение брала на себя группа новых исследователей. Что это был органический и жизненный интерес, можно видеть уже из того, что в новом поколении он вырос сам собою, без чьего-либо указания или руководства, в отдельных лицах, которые приступали к делу с различных сторон; только после эти люди сближались, не составив, однако, никогда какого-нибудь кружка. Нечто подобное я встретил уже у Михайлова...»⁷.

А. Н. Пыпин совершенно точно уловил жизненность, своевременность и закономерность возникновения «библиографизма». Он единственный из исследователей указал и на другую особенность этого течения, на то, что оно явилось продолжением дела В. Г. Белинского, детализацией намеченных им основных положений. Это отчетливо сознавали сами представители молодого поколения 40 — 50-х годов, которые вступали в библиографию с именем В. Г. Белинского на устах, бесспорно признавая его авторитет, но справедливо считая, что наступило время собирания тех мелких фактов, которые должны явиться базой научно обоснованной истории отечественной литературы.

В 1854 г. на страницах «Библиотеки для чтения» М. Л. Михайлов выступил с циклом статей о редких книгах XVIII в. Название этого цикла — «Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке». В первой статье⁸ после вступления, в котором М. Л. Михайлов изложил свои взгляды на библиографию, дан пересказ и анализ содержания старинного издания — «Полидора Виргилия Урбинского осмь книг о изобретателех вещей», вышедшего на русском языке в 1720 г. (перевод с латинского). М. Л. Михайлов выбрал эту книгу не столько из-за ее редкости, сколько из-за тематики. По его мнению, это первая на Руси книга, которая «сообщает некоторые сведения о библиографии вообще, или, лучше сказать, о книжном деле». «Строки, заставившие нас взяться за сочинение Полидора, — пишет М. Л. Михайлов, — находятся на страницах 88—90, в седьмой главе второй книги, которая именуется: *Которые первии книги издаша и о первой библиотеке и от кого употребление литер к печати обрететя*. Мы не считаем лишним привести здесь эти строки как первые, в которых находим на русском языке общие библиографические сведения».

Со свойственным ему талантом М. Л. Михайлов «оживляет» старинную, всеми забытую книгу, обращая внимание на ее просветительское содержание. Он выступает не только как библиограф и исследователь книжной старины, но и как историк библиографии, разыскавший одно из самых первых упоминаний о ней на русском языке.

Вторая статья цикла «Старые книги» содержит очерк истории книгопечатания за границей и в России, третья — подробный разбор сборника «Похождение Ивана Гостиного сына и другие повести и сказки», составленного Иваном Новиковым. Эта книга, изданная в конце XVIII в. и совершенно пустая по содержанию, была чрезвычайно популярна в определенных кругах читателей и потому представляет известный

⁷ Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910, с. 71—73.

⁸ Михайлов М. Л. Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке. — «Библиотека для чтения», 1854, № 2, отд. Лит. летопись, с. 34—62.

Эта статья перепечатана в книге: Михайлов М. Л. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. М., 1958, с. 7—73.

интерес для историков культуры. Г. Н. Геннади так охарактеризовал это издание: «Книга очень редка: я долго искал ее. Налечатана дурно, в неизвестной типографии, писана безграмотно, нескладным грубым слогом, смесью искусственных переводных выражений с простонародными оборотами, но вероятно по разнообразному содержанию и сказочному интересу имела много читателей...»⁹. Последнее обстоятельство, по-видимому, и заинтересовало М. Л. Михайлова. Кроме того, — и на это тоже нельзя закрывать глаза, — М. Л. Михайлов любил старую книгу «как таковую». С любовью, прямо-таки с нежностью перелистывал он пожелтевшие страницы старинных книг, из которых преимущественно состояло его собрание. «...В этой библиотеке пренебреженных русских книг прошлого столетия больше любопытного, чем во многих книгах новейших...» — утверждает М. Л. Михайлов. Но, отмечает он далее, «к сожалению, для многих старая русская литература представляется чем-то вроде безотрадной пустыни, и в нее боятся заглянуть». Обращаясь к читателю, М. Л. Михайлов пишет, что при дальнейших путешествиях по его библиотеке «вы скоро не будете уже спотыкаться на старом русском слогом и сумеете найти любопытное, занимательное и даже изящное в русской книжной старине»¹⁰.

Исследования библиографического характера о литературе XVIII в. занимали в тот период значительное место на страницах периодики. Одновременно с М. Л. Михайловым выступил Г. Н. Геннади со статьей «П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» («Современник», 1854, № 10); несколько позже появились работы Н. А. Добролюбова, А. Н. Афанасьева и ряда других авторов, посвященные журналистике XVIII в. Эти статьи содержали скрупулезный анализ отдельных изданий, но мелочным его никак нельзя было назвать; исследователи опирались на великолепное знание эпохи, ее культуры, быта, нравов, издательского дела и читательских интересов. Работы такого рода открыли для истории литературы множество интересных фактов, возвратили ряд незаслуженно забытых имен.

Многие авторы библиографических исследований были видными библиофилами, владельцами обширных книжных собраний. Библиотека М. Л. Михайлова была одной из лучших в Петербурге. Она состояла преимущественно из старинных русских книг, которые Михайлов собирал с юных лет, затрачивая на это большую часть своего заработка. Статьи цикла «Старые книги» и были «путешествием» по личной библиотеке М. Л. Михайлова, которой он заслуженно гордился. И было чем! Разночинец, существовавший на литературный заработок, сумел собрать такую коллекцию книг, которая могла потягаться с собраниями богатейших библиофилов. Из неопубликованной переписки М. Л. Михайлова с Г. Н. Геннади¹¹, владельцем огромной библиотеки, человеком, не ограниченным в средствах, видно, что они постоянно обменивались книгами. Нередко у М. Л. Михайлова оказывались такие издания, которых не было у Г. Н. Геннади. Последний обращался к М. Л. Михайлову и за советами по поводу приобретения библиографических редкостей. Библиотека была любимым детищем М. Л. Михайлова. В самый трагический период своей жизни, находясь в Петропавловской крепости, он с беспокойством писал Н. В. и Л. П. Шелгуновым: «Жаль мне моих

⁹ Геннади Г. Н. Русские книжные редкости. Библиогр. список рус. редких книг. Спб., 1872, с. 57.

¹⁰ Михайлов М. Л. Старые книги. — «Библиотека для чтения», 1854, № 2, отд. Лит. летопись, с. 40, 62.

¹¹ Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (РО ИРЛИ), собрание Яковлева, ф. 357, оп. 3, № 21.

книг. Да неужто их отнимут?»¹². В этом же письме он спрашивал у друзей: «Нельзя ли вам большую часть книг взять к себе, как свою собственность? Или квартира опечатана?»¹³.

Власти, к счастью, не позарились на библиотеку, состоящую из старинных книг, и Шелгуновым удалось ее спасти, однако не всю. Л. П. Шелгунова пишет в своих воспоминаниях: «Чтобы достать средства для отправки Михайлова со всеми удобствами и для обеспечения его жизни в каторге, мы пустили в лотерею часть его очень большой библиотеки, а другую часть отправили к нему в Сибирь»¹⁴. Брат М. Л. Михайлова Петр писал Л. П. Шелгуновой, что после смерти Михаила Ларионовича он вынужден был продать часть его книг, добавляя, однако: «Вся русская и французская библиотека осталась при мне»¹⁵. Так как все свое имущество М. Л. Михайлов завещал сыну Михаилу, то к нему, по всей видимости, перешли и остатки некогда великолепной библиотеки. Дальнейшая судьба этого собрания неизвестна*.

К слову сказать, наше книговедение в большом долгу перед отечественной культурой. Недопустимо пренебрежительное отношение к библиофильству привело к тому, что почти совсем не изучались личные библиотеки русских книголюбов. Только несколько библиотек (например, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова) были объектом изучения, но не книговедов, а исследователей творчества писателей. О многих книжных собраниях деятелей отечественной культуры мы не имеем сколько-нибудь серьезных и полных исследований. Не изучены и библиотеки выдающихся русских библиографов, хотя некоторые из этих библиотек перешли в фонды государственных книгохранилищ (так, собрание С. Д. Полторацкого находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина). Мы очень мало знаем о том, что представляли собой книжные собрания П. А. Ефремова, А. Н. Афанасьева, М. П. Полуденского, Е. И. Якушкина, М. Л. Михайлова — передовых деятелей библиографии 50—60-х годов. Между тем многими находками и открытиями они обязаны своим книжным собраниям или собраниям своих товарищей, ибо обмен сведениями был доброй традицией деятелей прогрессивной русской библиографии (переписка библиографов дает множество подтверждений этому). Собственно, библиофильство и сделало библиографов той поры такими превосходными знатоками отечественной литературы (в особенности старинной), дало им знание произведений не только ее корифеев, но и второстепенных писателей, без изучения творчества которых невозможно ни построение серьезной истории литературы, ни создание полного свода русской книги.

Библиофилы середины XIX в. нередко изображаются в специальной литературе как люди, далекие от общественной жизни, от жгучих вопросов современности. Это не вполне соответствует действительности. Большая часть видных библиофилов, сформировавшихся в 40—50-е годы — люди прогрессивных убеждений: Е. И. Якушкин, А. Н. Афанасьев, М. Л. Михайлов, П. А. Ефремов. Из представителей же старшего поколения достаточно назвать П. Я. Чаадаева и С. Д. Полторацкого, чтобы поставить под сомнение утверждение о политическом индифферентизме всех библиофилов.

¹² Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. и Михайлов М. Л. Воспоминания. В 2-х т. Т. 2. М., 1967, с. 433.

¹³ Там же, с. 435.

¹⁴ Там же, с. 122.

¹⁵ Там же, с. 455.

* Книги с экслибрисом М. Л. Михайлова встречаются в фонде Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (например, экземпляр «Литературы русской библиографии» Г. Н. Геннади), но они не учтены особо и не изучены.

Русское библиофильство 30—50-х годов XIX в. было значительным общественно-культурным явлением, одной из форм пассивного протеста против удушающей атмосферы николаевского царствования, против оказывания мысли и культуры. Библиофилы были хранителями культурных ценностей. В условиях отсутствия полного национального книгохранилища частные собрания библиофилов имели громадное значение как база для научной библиографической и историко-литературной работы, а библиофилия — плодотворной ветвью как библиографии, так и истории литературы. Обе эти дисциплины обязаны ей многими своими успехами и достижениями.

Хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство. Первые серьезные опыты построения теории библиографии в любой стране, как правило, связаны с развитием библиофилии. В «Истории иностранной библиографии» К. Р. Симона высказана очень интересная мысль: «Характерно, что теория библиографии, совпадающая для того времени (конец XVIII в. — Л. Р.) с книговедением, возникла в среде лиц, причастных к библиофильским увлечениям эпохи; этим лицам, имевшим дело с книгой как объектом материальной культуры, было свойственно стремление отграничить библиографию от смежных с нею видов научной деятельности: истории науки, истории литературы и т. п.»¹⁶. Это положение вполне справедливо и для русской библиографии, которая в середине XIX в. искала водораздел между «собственно библиографией», публицистической критикой и историей литературы.

М. Л. Михайлов также внес свою лепту в развитие теории библиографии. Его взгляды на библиографию, как мы уже говорили, сформулированы в первой статье цикла «Старые книги». «Если б сущность библиографии, — пишет М. Л. Михайлов, — состояла единственно из того, что выражается ее названием, то она представляла бы мало общего интереса и справедливо могла бы считаться наукою книгопродавцев; поэтому-то все знакомые с библиографией только по имени считают ее предметом в высшей степени сухим и незанимательным. В начале она точно была такою; но изобретение книгопечатания, рассеявшее по земле бесчисленное множество книг, должно было расширить границы библиографии: в этих горах книг и печатных листов библиография обязана указать нам, какое произведение заслуживает нашего внимания, какое не стоит его. Кроме того, и хорошее произведение может быть издано дурно и небрежно; библиография же укажет вам на издание лучшее, объяснив, почему именно оно лучше других. Некоторые сочинения или издания становятся вследствие разных причин редкими: библиография не только отметит их существование, но и познакомит с содержанием их, если оно не лишено для нас интереса. Наконец, многочисленность книг, загромаждающих нынче общественные библиотеки, вызвала необходимость уметь из числа десяти полезных книг выбрать книгу полезнейшую — и наука, руководствующая в этом выборе, есть та же библиография.

Итак, библиография не есть искусство составления каталогов, как думают некоторые, а наука, занимающая почетное место в ряду человеческих знаний»¹⁷.

Мы позволили себе привести длинную, уже неоднократно цитировавшуюся в работах по истории библиографии выписку, потому что она, как нам кажется, требует дополнительного анализа.

¹⁶ Симон К. Р. История иностранной библиографии. М., 1963, с. 285.

¹⁷ Михайлов М. Л. Старые книги. — «Библиотека для чтения», 1854, № 2, отд. Лит. летопись, с. 41—42.

Прежде всего следует подчеркнуть, что статья М. Л. Михайлова «Старые книги» появилась за несколько лет до того, как в русской печати разгорелась полемика по вопросам библиографии. В сущности, со времен В. Г. Анастасевича и В. С. Сопикова статья М. Л. Михайлова — первое выступление по теоретическим вопросам библиографии, исходившее из радикальных кругов. В историко-библиографической литературе установилось мнение, что М. Л. Михайлов развивал определение библиографии, данное В. С. Сопиковым. Это, конечно, не исключено, хотя естественней предположить, что М. Л. Михайлов был непосредственным продолжателем А. А. Барбье, тем более, что в этой же статье он цитирует высказывания последнего о библиографии. Кроме того, взгляды М. Л. Михайлова перекликаются с точкой зрения писателя и журналиста В. Р. Зотова¹⁸, с которым М. Л. Михайлов был дружен и который, собственно, и ввел начинающего поэта в литературные круги¹⁹.

Какие же требования предъявляет М. Л. Михайлов к библиографии, и как эти требования трактуются в историко-библиографической литературе? М. Л. Михайлов считает, что библиография должна: 1) указывать лучшие книги, 2) заниматься сравнением изданий, опять-таки для того, чтобы указать читателю наиболее удачные из них, 3) учитывать редкие книги и раскрывать их содержание (с весьма существенной оговоркой: «если оно не лишено для нас интереса»), 4) помогать библиотекарю в руководстве чтением и, наконец, 5) библиография — это наука.

«Итак, — резюмирует Н. В. Здобнов указанное выше рассуждение М. Л. Михайлова, — критическое знание книг по существу их содержания является, по мнению Михайлова, первоосновой библиографии, а важнейшей задачей ее — компетентная руководящая помощь читателю в выборе книг»²⁰. Второе положение этого резюме бесспорно; первое же требует существенных уточнений. В еще более категорической форме пишет Ю. П. Антипина: «...на первый план он (Михайлов — Л. Р.) выдвигал критические и рекомендательные задачи библиографии»²¹. Собственно говоря, эти два высказывания различны: Н. В. Здобнов говорит о знании книг по существу и умении их оценить, присущем библиографу, Ю. П. Антипина — о «критических задачах» самой библиографии, о которых в статье М. Л. Михайлова нет и речи.

Четыре года спустя после появления первой статьи цикла «Старые книги» была опубликована статья Р. И. Минцлова, в которой автор высказал свои взгляды на библиографию и задачи библиографа. Он писал: «Чтобы доискаться нужных сведений библиограф должен исследовать, изучить книгу, а для этого, если книга старопечатная или рукописная, нужны особые знания и навык. Во всяком случае библиограф должен быть в состоянии обсудить и оценить книгу, которую описывает. Этим я не хочу сказать, что библиография обязана сообщать критические и литературные заметки о книгах: это вывело бы ее из ее

¹⁸ См. «Лит. газета», 1848, № 4, с. 57—58, а также в кн.: Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956, с. 139—140.

¹⁹ Об этом см., например: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. и Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967, с. 109; Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах. — «Ист. вестник», 1890, № 5, с. 294—295.

²⁰ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 335.

²¹ См. в кн.: Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956, с. 146.

«области»²². Последнее замечание Р. И. Минцлова направлено против редакции «Библиографических записок», которая считала основным делом библиографии как раз публикацию историко-литературного материала. Р. И. Минцлов одним из первых выступил за самоопределение «собственно библиографии» и отделение ее от критики и истории литературы. Правда, задачи «собственно библиографии» он понимал ограниченно, только как составление полных и точных списков книг, но надо учесть, что в цитируемой статье речь идет лишь о задачах «ученой» библиографии, призванной быть помощницей науки. (Хотя автор признает существование библиографии книгопродавческой и библиофильской, он оставляет их в стороне). Ни М. Л. Михайлов, ни Р. И. Минцлов не берут в расчет также журнальную библиографию, поэтому, естественно, в их статьях речь идет не о критических функциях библиографии, а об умении библиографа оценить книгу, что далеко не одно и то же.

В обеих статьях поставлен вопрос о компетентности библиографа и о творческом характере его труда. Но есть в статьях существенные различия, которые позволяют рассматривать авторов как представителей двух различных направлений в библиографии — просветительского и академического. Первое различие (во многом определяющее и последующие) — это по-разному понимаемый круг «потребителей» библиографии. Демократ М. Л. Михайлов стремится обратить библиографию в орудие просвещения; он считает, что она должна помогать любому читателю, жаждущему познаний и что именно поэтому она имеет право на «общий» (общественный) интерес. Р. И. Минцлов (как уже отмечалось выше) говорит только об «ученой» библиографии и заканчивает свою статью категорическим выводом: «Не ученым — она (библиография. — Л. Р.) бесполезна». Отсюда следует второе различие: М. Л. Михайлов считает основной функцией библиографии помощь в выборе лучших книг; Р. И. Минцлов — составление полных систематических указателей в помощь научной работе. И, наконец, третье различие состоит в оценке самой библиографии как области знания. М. Л. Михайлов считает ее наукой, занимающей почетное место в ряду человеческих знаний (и это вполне естественно для последователя А. А. Барбье); Р. И. Минцлов утверждает, что библиография «может и должна быть только вспомогательным знанием, но вспомогательным для всех наук».

Анализ позиции Р. И. Минцлова не входит в задачи настоящей статьи. Однако необходимо отметить следующее. Обычно в работах по истории библиографии Р. И. Минцлов зачисляется в стан формалистов за ограничение целей библиографии одним лишь описанием книг и за игнорирование критических функций библиографии — тех самых, которым, как говорится в этих же работах по истории библиографии, придавал такое большое значение М. Л. Михайлов. Выше мы попытались показать, что вопроса о критических задачах библиографии М. Л. Михайлов вообще не касался и, сопоставив его взгляды с взглядами Р. И. Минцлова, выявить их действительные различия.

Хочется особо подчеркнуть еще одну черту воззрений М. Л. Михайлова на библиографию — его понимание важной роли библиографии в работе общественных библиотек. Это чрезвычайно существенный момент; пожалуй, это основное, что дает нам право считать выступление

²² См.: Минцлов Р. И. Что такое библиография и что от нее требуется? — «Библиогр. записки», 1858, № 12, стлб. 382—383, а также в кн.: Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956, с. 227.

М. Л. Михайлова наиболее прогрессивным для своего времени. Когда В. С. Сопиков говорил в «Предуведомлении» к «Опыту российской библиографии» о том, что библиотекарь, вооруженный библиографическими знаниями, является руководителем юношества, «открывающим ему чистейшие источники», это было лишь повторением высказываний передовых французских библиографов, ибо в России 10-х годов XIX в. и в помине не было библиотек, в которых можно было бы осуществлять подобную программу. Другое дело — времена М. Л. Михайлова. И то обстоятельство, что он обратил внимание на громадные просветительские возможности библиографии именно в руководстве чтением (пользуясь современным термином) имело большое общественное значение, тем более что рекомендательная библиография тогда еще только-только зарождалась.

Таким образом, статья М. Л. Михайлова (даже если не приписывать автору весьма туманных положений о «критических задачах» библиографии) стоит на самом левом фланге в ряду выступлений по вопросам библиографической теории, относящихся к середине XIX в., и во многом сохраняет свою актуальность до сих пор.

М. Л. Михайлов внес значительный вклад не только в теорию библиографии, он занимался и ее историей. Выше уже говорилось об открытии им первых в русской печати сведений о библиографии в книге Полидора. Но М. Л. Михайлову принадлежит еще более значительная историческая находка.

В 1851 г. С. Д. Полторацкий перепечатал в октябрьском номере «Revue étrangère» * вышедшую в 1771 г. в Ливорно (Италия) брошюру «Essai sur la littérature russe, contenant une liste des gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le Grand». В ней дан список некоторых русских писателей (преимущественно XVIII в.) и сведения об их произведениях. Ни автор, ни история создания этого списка не были известны, и он вызывал живейший интерес у библиографов 50-х годов. «Полторацкий обедал у меня с М. Л. Михайловым, — сообщает Г. Н. Геннади М. Н. Лонгинову, — толковали о ливурнском Essai и его авторе»²³. В этом же 1851 г. Н. С. Тихонравов высказал предположение, что этот список — то самое «Известие о некоторых российских писателях», помещенное на немецком языке в лейпцигском журнале, о котором писал Н. И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях». И вот М. Л. Михайлов задается целью отыскать этот список на страницах немецких журналов XVIII в. Наконец, уже в 1861 г., в «Библиографических записках» (№ 20, стлб. 609—633) появляется его сообщение «Немецкое известие о русских писателях (1768)». В нем неопровержимо доказывается, что «ливурнское Essai» — сокращенный перевод лейпцигского списка. Редактор «Библиографических записок» В. И. Касаткин писал в примечании к публикации: «Приводимый нами подлинный немецкий текст «Известия», сообщенный М. Л. Михайловым, вместе с русским переводом его решают эту догадку утвердительно. Разница французского и немецкого текстов указана в выносках: из нее оказывается, что немецкий текст полнее и «Опыт» не что иное, как перевод его»²⁴.

В 1862 г. публикация вышла отдельным изданием. В 1867 г. немецкий и французский тексты вместе с русским переводом М. Л. Михайлова

* Журнал, издававшийся в Петербурге на французском языке.

²³ Письмо Г. Н. Геннади к М. Н. Лонгинову от 4 февр. 1858 г. — РО ИРЛИ, арх. Лонгинова. № 23145/CLXVI б. 12.

²⁴ «Библиогр. записки», 1861, № 20, стлб. 609.

перепечатал в своих «Материалах для истории русской литературы» П. А. Ефремов²⁵.

Понятно, почему найти первоисточник удалось именно М. Л. Михайлову. Он обладал обширнейшими познаниями в области библиографии. Библиографическую эрудицию М. Л. Михайлова высоко ценили современники и часто привлекали его к сотрудничеству. В 1854 г. Н. С. Тихонов-равов, сообщая библиографу С. И. Пономареву, что будет издавать сборник, писал: «Михайлов ... для сборника дает две статьи»²⁶. Когда подобный же сборник задумал издать С. И. Пономарев, В. П. Гаевский, вербовавший для него петербургских авторов, с удовлетворением отмечал: «Геннади и Михайлов очень рады Вам содействовать»²⁷.

М. Л. Михайлов был назван в числе постоянных авторов «Библиографических записок». Это отнюдь не случайно. С журналом М. Л. Михайлова связывали как библиофильские, так и историко-литературные интересы.

Каковы же были задачи «Библиографических записок» и как понимали современники их программу? Об этом можно судить по откликам на выход в свет «Библиографических записок», появившимся в организованном одновременно с ними (в 1858 г., вместо выходившего ранее книготоргового журнала «Русская библиография») «Русском библиографическом листке». В редакционной статье первого номера «Листка» мы читаем: «Библиографический журнал, издаваемый с нынешнего года в Москве Н. Щепкиным, судя по программе его, имеет характер исключительно библиофильский. Без сомнения, он оправдывает всеобщие ожидания; мы приветствуем от души это замечательное явление в нашей литературе. Наше дело, повторяем, не библиофильское, но почти исключительно практически-библиографическое...»²⁸. Как же понимала редакция «Русского библиографического листка» слова «библиофильское дело»? Оказывается, вот как: «Цель их («Библиографических записок». — Л. Р.) — собирать материалы для истории русской словесности и народного просвещения, восполнить пробелы на ее страницах и познакомиться с малоизвестными чертами из жизни наших великих писателей, а также с целью распространить в нашей книжной торговле антикварные сведения и через то помочь библиофилам в приискании редких книг»²⁹. Таким образом, библиофил в представлении людей 50-х годов — не просто собиратель книг, но исследователь и публикатор текстов, т. е. историк литературы и текстолог. Ими и были многие известные библиофилы того времени.

Следует, однако, подчеркнуть, что «Библиографические записки» отнюдь не были органом «мирного» библиофильства. В недавно вышедшей книге Н. Я. Эйдельмана «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“» сделана чрезвычайно любопытная и убедительная попытка показать связь «Библиографических записок» с А. И. Герценом и его изданиями. Автору удалось установить, что целый ряд материалов, запрещенных цензурой для публикации в «Библиографических записках»,

²⁵ Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. Спб., 1867.

На с. XI предисловия (в примечании) П. А. Ефремов выражает благодарность брату М. Л. Михайлова за разрешение перепечатать его перевод «Известия...».

Полные описания немецкого и французского текстов «Известия...», а также краткое изложение истории их публикации и исследования см. в книге И. М. Кауфмана «Русские биографические и библиографические словари» (М., 1955) на с. 283—285.

²⁶ Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярского [и др.] к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915, с. 10.

²⁷ Там же, с. 73.

²⁸ «Рус. библиогр. листок», 1858, № 1, с. 1.

²⁹ «Рус. библиогр. листок», № 3, с. 169.

шел в Лондон и увидел свет на страницах «Полярной звезды»³⁰. Совершенно отчетливо проступает и одинаковый круг интересов обоих изданий. Это — Пушкин, декабристы, XVIII век. Известно, что А. И. Герцен рассматривал исторические публикации как материалы для уголовного следствия над петербургским периодом нашей истории. По-видимому, так же рассматривали их и сотрудники «Библиографических записок» А. Н. Афанасьев, Е. И. Якушкин, В. И. Касаткин, П. А. Ефремов. Предположение Н. Я. Эйдельмана о том, что эти лица были «партией Герцена и Огарева» в России, имеет под собой серьезные основания.

Надо полагать, что М. Л. Михайлов, как человек, принадлежащий к радикальным кругам, знал обо всем этом. Отсюда — его неизменно сочувственное отношение к журналу, в котором он, как сказано выше, опубликовал самую значительную из своих историко-библиографических находок. Заметим, кстати, что это сообщение М. Л. Михайлова является органической частью похода «за Новикова», провозглашенного «Библиографическими записками». Новиковские материалы, опубликованные в этом журнале, заслуживают особого изучения, они являются еще одним свидетельством прогрессивного характера «Библиографических записок».

Библиографическая и историко-литературная эрудиция М. Л. Михайлова послужила основанием для избрания его (1859 г.) редактором отдела словесных наук «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами», который издавался под руководством П. Л. Лаврова в 1861—1863 гг. Соответствующие разделы в томах 1—4 вышли под редакцией М. Л. Михайлова. Он же был автором ряда интересных статей, помещенных в словаре: о писательнице Е. А. Авдеевой (сестре Н. А. и К. А. Полевых), литераторе А. О. Аблесимове и др.

К сотрудничеству в историко-литературном отделе словаря М. Л. Михайлов привлек ряд видных библиографов. Сохранилась его переписка с М. Н. Лонгиновым, в то время еще либерально настроенным литератором и сотрудником «Современника». М. Л. Михайлов просит его «...помочь своим участием и советами...» в написании статей по всеобщей и русской литературе. «Вы так богаты сведениями о русской литературе конца прошлого и начала нынешнего столетия, — пишет М. Л. Михайлов, — что без содействия вашего словарь многого лишится»³¹.

«Дополнив алфавит Энциклопедического Лексикона по букве А, — сообщает М. Л. Михайлов в другом письме к М. Н. Лонгинову, — препровождаю к вам список слов по истории русской литературы. Г. Н. Геннади, уезжая отсюда, говорил мне, что согласится с вами насчет выбора статей; но я от него до сих пор еще не получал ответа. Будьте так добры, многоуважаемый Михаил Николаевич, известите меня, что из прилагаемого списка найдете вы возможным обработать, и как согласитесь вы с Геннади»³². Из этой переписки видно, что М. Н. Лонгинэв написал по просьбе М. Л. Михайлова статьи об Аксаковых, об «Арзамасе» и др. Работа М. Л. Михайлова для «Энциклопедического словаря» была прервана арестом и ссылкой.

Перу М. Л. Михайлова принадлежит несколько работ библиографического характера, опубликованных вне словаря. Так, в книге «Лицей

³⁰ См.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 128, 149—162.

³¹ Письмо М. Л. Михайлова к М. Н. Лонгинову от 7 дек. 1859 г. — РО ИРЛИ, арх. Лонгинова, № 23221/CLXI б. 14.

³² Письмо М. Л. Михайлова к М. Н. Лонгинову от 25 марта 1860 г. — Там же.

князя Безбородко» (Спб., 1859) опубликован библиографический очерк М. Л. Михайлова, посвященный украинскому писателю Е. П. Гребенке; в «Отечественных записках» (1854, № 3) напечатан обзор М. Л. Михайлова «О новых переводах с русского языка на немецкий» (в котором, в частности, указаны переводы произведений Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова, М. Ю. Лермонтова и др.). В 1859—1861 гг. М. Л. Михайлов печатал в «Современнике» обзорные статьи о произведениях зарубежной литературы. Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский ввели М. Л. Михайлова в состав редакции журнала. Этим, как полагает В. Е. Евгеньев-Максимов, «руководящий круг «Современника», без сомнения, надеялся поставить на должную высоту отдел иностранной литературы»³³. И действительно, обзоры, заметки, статьи, рецензии М. Л. Михайлова пользовались большим успехом у читателей. «Сам Михайлов.., кажется, мало ценил себя как переводчика и знатока иностранной литературы. А другого подобного знатока тогда не было, — вспоминал Н. В. Шелгунов, — Михайлов был ходячей библиографией иностранной литературы...»³⁴.

Тема «Михайлов-критик» выходит за пределы этой статьи, поэтому мы не останавливаемся на анализе его критических обзоров, статей и рецензий, тем более, что они уже явились объектом изучения исследователей творчества М. Л. Михайлова.

К литературному наследию М. Л. Михайлова как библиографа относится не оконченный (и не опубликованный) словарь писателей, над которым он работал в последние годы перед арестом. Отдельные листки словаря сохранились в архиве Я. К. Грота³⁵. Это материалы для словаря псевдонимов. Раскрытием псевдонимов (весьма важным вопросом для истории литературы и библиографии) занимались в 50—60-е годы многие ученые. Над словарями псевдонимов работали тогда П. П. Пекарский, С. Д. Полторацкий, Г. Н. Геннади и другие исследователи. Интерес М. Л. Михайлова к псевдонимам русских писателей, конечно, не случаен. Он тесно связан с его историко-литературными и библиографическими занятиями, в частности с сотрудничеством в «Энциклопедическом словаре» П. Л. Лаврова.

Таким образом, М. Л. Михайлов работал почти во всех областях, которые в 50—60-х годах XIX в. относились к библиографии.

Весьма значительный интерес вызывает один эпизод литературно-общественной жизни начала 60-х годов (вошедший и в историю библиографии), который иногда связывают с именем М. Л. Михайлова. Некоторые исследователи его творчества считают, что в годы активного сотрудничества в «Современнике» М. Л. Михайлов принял участие в борьбе этого журнала против формалистических тенденций в библиографии. Помещая в трехтомном издании сочинений М. Л. Михайлова анонимно опубликованный в «Свистке» («Современник», 1860, № 12) фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина», редакция сообщает в примечаниях: «Статья Михайлова направлена против «библиографического направления» в литературоведении. Представители этого направления (М. Семевский, С. Полторацкий, М. Лонгинов и др.) стремились изолировать литературоведческую науку от общественной борьбы; вместо изучения и анализа литературного процесса во всей сложности

³³ Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 550.

³⁴ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. и Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. I. М., 1967, с. 110.

³⁵ Михайлов М. Л. [К словарю писателей]. — РО ИРЛИ, арх. Грота, лл. 1—15.

и противоречиях в их работах можно было встретить лишь объективистское комментирование отдельных его фактов»³⁶.

Фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» долгое время считался принадлежащим перу Н. А. Некрасова. В фельетоне зло высмеивается Г. Н. Геннади за принятый им способ печатания вариантов в самом тексте произведений А. С. Пушкина. «Г. Геннади, — пишет автор фельетона, — становясь теперь в уровень с требованиями своей глубокомысленной науки, хочет, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встретит в рукописях великого поэта»³⁷. Выступая от имени рядового читателя (фельетон построен в форме письма из провинции), автор сетует на то, что он не узнает своих любимых произведений А. С. Пушкина, искаженных редакторской работой Г. Н. Геннади. Он (автор письма), дескать, «человек не ученый» и никак не может понять, что это за наука — библиография, и для чего она вмешивается в такое дело, как издание стихотворений А. С. Пушкина.

В свое время А. Максимович, вводя этот фельетон в «некрасоведческий оборот», писал: «Направленное конкретно против редактора этого издания, «известного библиографа и библиофила» Г. Н. Геннади, выступление Некрасова включалось в тот общий поход против «библиографии», который был провозглашен Добролюбовым с первых его шагов на журнальном поприще»³⁸.

Действительно, Г. Н. Геннади уже был объектом некрасовской сатиры (вспомним хотя бы стихотворный фельетон «Литературная травля, или раздраженный библиограф», которым Н. А. Некрасов откликнулся на скандальный пропуск «Мертвых душ» в списке сочинений Н. В. Гоголя, составленном Г. Н. Геннади). Вместе с тем «Современник» одобрително отозвался о «Литературе русской библиографии» Г. Н. Геннади, а работу последнего «П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий»» даже поместил на своих страницах. Однако Н. А. Некрасов, по-видимому, действительно неприязненно относился к Г. Н. Геннади и не упускал случая посмеяться над его промахами. Это соображение (подкрепленное целым рядом аргументов) позволило А. Максимовичу предположить, что автором фельетона «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» был Н. А. Некрасов. Мнение А. Максимовича не было в течение ряда лет оспорено ни одним из исследователей творчества поэта.

В 1953 г. была опубликована статья А. Ф. Захаркина «Новые материалы о поэте-революционере М. Л. Михайлове»³⁹, в которой автором фельетона «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» назван М. Л. Михайлов. Доказательства, приведенные А. Ф. Захаркиным в защиту этой атрибуции, как будто заслуживают внимания. Это, во-первых, анализ конторских книг «Современника». Правда, в них не указано, кто был автором этого фельетона, но отмечено, что М. Л. Михайлову было уплачено за три страницы в «Свистке» за декабрь 1860 г. А только в фельетоне о Г. Н. Геннади ровно три страницы. Чувствуя недостаточную убедительность этого аргумента, А. Ф. Захаркин приводит второй: в библиографическом указателе произведений М. Л. Михайлова, составленном Н. В. Гербелем и приложенном к уничтоженному в 1866 г. цен-

³⁶ Михайлов М. Л. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. М., 1958, с. 649.

³⁷ «Современник», 1860, № 12, «Свисток», с. 42.

³⁸ Максимович А. Некрасов — участник «Свистка». — «Лит. наследство», 1946, т. 49—50, с. 309—310.

³⁹ «Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка», 1953, т. 12, вып. 5, с. 417—438.

зурой изданию стихотворений поэта (уникальный экземпляр этого издания хранится в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), прямо указано, что автором фельетона является М. Л. Михайлов. Это, конечно, более серьезное, но также не абсолютно надежное доказательство. Указатель, составленный Н. В. Гербелем, содержит ряд пропусков и ошибок, составитель во многом опирался на устные высказывания современников.

Разумеется, очень трудно, не располагая никакими дополнительными документальными данными, оспаривать мнение А. Ф. Захаркина; тем не менее авторство М. Л. Михайлова представляется нам сомнительным и вот по каким соображениям.

Прежде всего, мы полагаем, что в «общий поход против библиографии» М. Л. Михайлов, сам заядлый библиофил и библиограф, сотрудник «Библиографических записок», естественно, не мог включиться. Выше уже говорилось о том, что М. Л. Михайлов высоко ценил труды своих коллег-библиографов, старался привлечь Г. Н. Геннади и М. Н. Лонгинова к активному сотрудничеству в «Энциклопедическом словаре». Вряд ли это могло бы иметь место, если бы М. Л. Михайлов относился к ним, как к лицам, стремившимся «изолировать литературоведческую науку от общественной борьбы». Более того, М. Л. Михайлов был чуть ли не единственным литератором, благожелательно отзывавшимся о текстологической работе Г. Н. Геннади. В том же 1860 г., рецензируя в «Русском слове» издание сочинений М. Ю. Лермонтова, подготовленное С. С. Дудышкиным, М. Л. Михайлов писал: «Стыдно сказать, а между тем это правда: ни одного из наших писателей до Пушкина не издано у нас хоть мало-мальски порядочно... В последнее время явилось, впрочем, с легкой руки П. В. Анненкова, образцово издавшего Пушкина, несколько тщательных и выполненных со знанием дела изданий. Таково исаковское издание «Сочинений Пушкина» (т. е. именно то, которое высмеивалось в «Свистке»; разрядка наша. — Л. Р.), которое, после анненковского, могло бы быть, впрочем, и более правильно в корректурном отношении»⁴⁰.

Трудно себе представить, чтобы в мае 1860 г. М. Л. Михайлов считал издание Г. Н. Геннади тщательным и выполненным со знанием дела, а в декабре того же года — никуда не годным и заслуживающим только издевательского фельетона. Гораздо естественнее предположить, что прав был А. Максимович и что автором этого фельетона является Н. А. Некрасов.

Наконец, в библиографии произведений М. Л. Михайлова, составленной П. В. Быковым (который, отметим, пользовался списком Н. В. Гербея), этого фельетона нет⁴¹. Современные исследователи считают эту библиографию наиболее полной⁴².

Но возникает еще вопрос, гораздо более важный, чем установление авторства. О чем, собственно, идет речь в этом фельетоне? В. Е. Евгеньев-Максимов в упомянутом нами выше исследовании о «Современнике» писал, что в фельетоне «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» «высмеивался принятый Геннади способ печатания художественных творений Пушкина (варианты печатались в самом тексте)»⁴³. Никаких более

⁴⁰ «Рус. слово», 1860, № 5, отд. Критика. Библиография, с. 56.

⁴¹ См.: Быков П. В. Библиография сочинений М. Л. Михайлова. — В кн.: Михайлов М. Л. Полн. собр. соч. Т. 1, Спб., [1913], с. 351—380.

⁴² См. в кн.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. и Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967, с. 571.

⁴³ Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 474.

общих задач исследователь не усматривает в фельетоне. И мы думаем, что он вполне прав. Редакторская деятельность Г. Н. Геннади и придуманное им весьма неудачное нововведение (печатание вариантов в тексте) было мишенью для насмешек далеко не только «Современника» (вспомним хотя бы известную эпиграмму С. Д. Соболевского («О, жертва бедная...»). Однако надо сказать, что способ публикации вариантов и черновиков, принятый Г. Н. Геннади, надолго закрепился в редакторской практике. Точно так же (даже еще усугубив нелепости первого исаковского издания) поступил редактор последующих изданий сочинений А. С. Пушкина (1880—1881 и 1882 гг.) П. А. Ефремов. Он подвергся жесточайшей критике со стороны П. В. Анненкова⁴⁴. Между тем П. А. Ефремов принадлежал к прогрессивным, демократическим кругам, а П. В. Анненков в 80-е годы стоял на позициях, весьма близких к консервативным. Poleмика вокруг ефремовских изданий была куда более острой, чем вокруг геннадиевских. Но в обоих случаях речь шла не об идеологических проблемах, а о практических вопросах редактуры и издания классиков — вопросах, конечно, общественно значимых, но весьма далеких от тех, которые видят в фельетоне из «Свистка» некоторые исследователи. Мы полагаем, что приписывание Н. А. Добролюбову инициативы в организации «общего похода против библиографии» является крупной ошибкой. Поход был не «против библиографии», а за нее, за избавление от отдельных крайностей и ошибок, присущих «библиографизму» 50-х годов. Фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» и был одним из звеньев этого похода.

В заключение хочется подчеркнуть, что советские библиографы в большом долгу перед памятью М. Л. Михайлова. До сих пор не создана полноценная библиография его произведений и литературы о нем. Нет нужды доказывать, какое громадное значение имел бы такой труд. Огромный интерес представляет последовательная и неутомимая борьба прогрессивной общественности дореволюционной России за опубликование наследия М. Л. Михайлова. Борьба эта велась и средствами библиографии. На другой же год после кончины поэта его друг Николай Васильевич Гербель (поэт, переводчик и библиограф) сделал попытку издать в России собрание стихотворений М. Л. Михайлова. Н. В. Гербель составил и первую обширную библиографию его произведений. На 23 страницах им перечислены стихотворения, романы, повести, статьи, заметки, рецензии М. Л. Михайлова. Перечень этот весьма несовершенен. В нем много пробелов, есть ошибки в установлении авторства. Как мы уже упоминали, издание Н. В. Гербеля в 1866 г. было уничтожено цензурой (сожжено). Вторая попытка опубликования библиографии произведений М. Л. Михайлова была сделана Н. В. Гербелем семь лет спустя. В изданном им сборнике «Русские поэты» (Спб., 1873) на страницах 588—589 был помещен «Список главных сочинений» М. Л. Михайлова. Но эти страницы были вырезаны цензурой⁴⁵.

Наконец, П. В. Быкову, также близко знавшему М. Л. Михайлова, удалось выпустить четырехтомное собрание его сочинений (Спб., 1913—

⁴⁴ См.: «Вестник Европы», 1881, № 2, с. 899—917.

Помещенная здесь за подписью Н. Н. статья «Новое издание сочинений Пушкина г. Исакова под редакцией П. Ефремова» перепечатана в книге: П. В. Анненков и его друзья. Лит. воспоминания и переписка 1835—1855 гг. Спб., 1892, с. 424—447.

⁴⁵ О судьбе этих изданий см.: Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых... Т. 2. Берлин, 1880, с. 328—329.

Здесь же приводятся сведения о журналах, в которых сотрудничал М. Л. Михайлов, сборниках, в которых были помещены его произведения, и об изданиях его сочинений.

1914 г., издательство А. Ф. Маркса). В первом томе этого издания помещена обширная библиография, о которой мы уже говорили. Таким образом, советским библиографам есть на что опереться при создании полной библиографии сочинений М. Л. Михайлова. Правда, Н. В. Гербель и П. В. Быков собирали только произведения самого М. Л. Михайлова; работы о нем у них не отражены. Между тем большое значение этих работ для изучения русской истории и литературы не подлежит сомнению. Кроме того, следует отразить советские издания произведений М. Л. Михайлова и литературу о нем (в том числе и мемуарную) за последние 50 лет. Работа немалая, но она должна быть сделана. Память замечательного деятеля отечественной культуры должна быть увековечена и средствами библиографии.
